

В тот вечер в городе S пошёл редкий для этих мест мелкий снег, укрыв землю тончайшим белым слоем.

Хань Цин вошёл внутрь, впустив с собой порыв ледяного воздуха. Скинув пальто, он встряхнул его, и юная помощница тут же услужливо подхватила вещь.

— Где Линь Цзи? — спросил Хань Цин, снимая шарф и перчатки.

— Линь-гэ беседует с мисс Ли из «Шэнхуэй Энтертейнмент». Никому не велел приближаться. Не знаю, о чём такой важный разговор, — проговорила помощница, на цыпочках вешая пальто.

— Но вы-то, Хань-гэ, конечно, не посторонний.

Услышав это, Хань Цин приподнял бровь. Его узкие, как у феникса, глаза приковались к девушке.

— Лишнего не спрашивай. Премию за этот месяц не хочешь?

Голос был ровным, но в нём сквозила неуловимая, леденящая угроза, словно холод с улицы ещё не отступил. Помощница вздрогнула.

— Умница, — Хань Цин, проходя мимо, легко хлопнул её по плечу и исчез в коридоре, прежде чем она успела моргнуть.

По пути к кабинету Линь Цзи Хань Цин размышлял, что новая помощница ненадёжна. Излишнее любопытство — плохое качество. Нужно будет её протестировать.

Дело было не в его придирчивости или паранойе. Просто всё, что касалось Линь Цзи, должно было быть безупречным. Абсолютно.

Ведь Линь Цзи был теперь звездой первой величины, его карьера стремительно взлетала, и в тени уже толпились те, кто жаждал стащить его в пропасть.

Они с Линь Цзи шли к этому больше десяти лет. Хань Цин не позволит никому разрушить то, что они с таким трудом создали.

Даже Ли Вань, бывшему агенту Линь Цзи, этого делать было нельзя.

С тех пор как Линь Цзи разорвал контракт с «Шэнхуэй» и основал личную студию, их пути с Ли Вань должны были разойтись. Однако та периодически навещалась. И вот так, как сейчас, они закрывались в кабинете для бесед, куда никому не было доступа.

О чём они говорили — Хань Цин не знал. Но каждый раз после визита Ли Вань Линь Цзи погружался в мрачное, подавленное состояние на долгое время, с трудом находя нужный настрой на съёмочной площадке.

Раньше Линь Цзи молчал, и Хань Цин не спрашивал.

Но сейчас всё было иначе. Через три дня Линь Цзи предстояло выдержать решающий кастинг, соревнуясь с другими актёрами. Их популярность и мастерство были сравнимы, но Линь Цзи, не имея поддержки крупного агентства, оказывался в менее выгодном положении.

Его шансы и так не превышали тридцати процентов. Если Ли Вань и дальше будет вмешиваться, они упадут ниже десяти. Всему должен быть предел. И если Хань Цин мог решить эту проблему за Линь Цзи, он это сделает.

Плотно сжав губы, Хань Цин взялся за ручку двери. В следующий миг всё его тело окаменело.

— С меня хватит! Этот Хань Цин для меня не лучше собаки!

Голос был до боли знакомым. Тёплый бархатный тембр, отчётливая дикция, но теперь, окрашенный язвительностью, он звучал ледяно и отчуждённо.

Слова ударили Хань Цина, будто он схватился не за дверную ручку, а за глыбу льда. Холод пронзил насквозь, сковывая каждую мышцу.

Десять с лишним лет. Хань Цин отбирал для него сценарии, управлял фанатами, решал бесчисленные проблемы, не зная отдыха. Он подорвал здоровье. И всё ради того, чтобы услышать это.

Даже если в глубине души он и предполагал, что его преданность останется без ответа, сердце всё равно сжалось от боли.

На мгновение его сознание помутнело, и тогда из-за двери донёсся насмешливый голос Ли Вань:

— Хань Цин столько для тебя сделал. От работы с прессой до заботы о твоём быте. Он выкладывался по полной. Собака так не умеет.

— Потому что Хань Цин в меня влюблён. Всё, что он делает, он делает добровольно. Повторяю, твои угрозы с ним на меня не действуют.

Эти слова обрушились на Хань Цина с новой, сокрушительной силой. В глазах потемнело. Он беззвучно разжал пальцы, отпустив ручку, и отступил на три шага назад.

Прислонившись спиной к холодной стене, Хань Цин почувствовал, как с лба на грудь скатилась ледяная капля пота. Яркий свет в коридоре резал глаза, вызывая головокружение.

В голове стучала лишь одна мысль: Линь Цзи знал. Он всегда знал.

Всё это время Хань Цин старательно скрывал свои чувства, не позволяя ни единой улике просочиться наружу. И всё это было одной огромной, унижительной шуткой. Линь Цзи видел всё насквозь.

Тот крохотный остаток гордости, тайна, которую он так бережно лелеял, — всё было безжалостно разорвано в клочья и выставлено на всеобщее осмеяние под ярким солнцем.

Это было невыносимо стыдно. Даже когда Линь Цзи сравнил его с собакой, ему не было так больно.

Что остаётся от человека, лишённого самоуважения?

Хань Цин отчаянно не хотел больше слышать, но голос Линь Цзи с упрямой настойчивостью впивался в сознание, словно червь, прокладывающий путь вглубь.

— Каждый раз, когда я вижу этот шрам на его лице, меня просто тошнит. Скажите, мисс Ли, разве вам было бы приятно знать, что некий гомосексуал с нечистыми помыслами постоянно вас вожделеет?

— Но этот шрам на лице Хань Цина — твоих рук дело. Не будь его, возможно, Хань Цин был бы

сейчас популярнее тебя.

В кабинете и за его дверью повисла мёртвая тишина. Хань Цин слышал, как его собственное сердце начало колотиться с бешеной силой, бессмысленно и гулко ударяясь о рёбра.

Дрожащими пальцами он дотронулся до шрама. Семь сантиметров. Как отвратительная сороконожка, застывшая у него на левой щеке.

Он получил его больше десяти лет назад, подставившись под нож вместо Линь Цзи. Острое лезвие было направлено прямо в лицо Линь Цзи, и Хань Цин, не раздумывая, оттолкнул его.

Когда нож вонзился в плоть, а руки обагрились кровью, он, сквозь боль, увидел, что Линь Цзи цел и невредим. И в тот миг почувствовал радость.

Жертвовать ради того, кого любишь, — не жертва вовсе. Видеть Линь Цзи в безопасности было дороже любой карьеры.

После этого Линь Цзи, казалось, испытывал глубочайшие угрызения совести. Когда Хань Цин, разорвав контракт с «Шэнхуэй», оказался на мели, именно Линь Цзи, наперекор всем, взял его к себе личным ассистентом.

Так и началась эта история длиною в десять с лишним лет. История безответной, безоглядной, тихой любви Хань Цина.

Воспоминания были так ясны, будто всё случилось вчера. Но люди в них уже стали другими.

Хань Цин вдруг почувствовал невыразимую усталость. Усталость от бессилия, от нежелания что-либо ещё делать. Он даже не мог заставить себя сдвинуться с места.

— Десять лет назад я была агентом вас обоих. Хань Цин был красив и невероятно талантлив. Все говорили, что он прирождённый актёр. А ты, Линь Цзи, был всего лишь хорош собой, но играл, как деревянная кукла, — голос Ли Вань звучал размеренно и спокойно.

— Мне тогда уже всё показалось странным. За день до начала съёмок сериала режиссёра Чжэня Хань Цин получает увечье на лице. Роль достаётся тебе. И всего за месяц твоя игра совершает невероятный скачок. Словно подменили человека.

— Это Хань Цин сам бросился меня прикрывать! Он сам этого хотел, сам виноват, сам распустил нюни! Какое это имеет отношение ко мне?

— О, правда? Я провела небольшое расследование и нашла кое-что занятное. Например, твои платёжные поручения на имя одного человека. Если бы я не приложила усилий, чтобы всё это замять, Линь Цзи, как думаешь, где бы ты сейчас был?

Многозначительная пауза повисла в воздухе, а затем, словно тонкие ледяные иглы, впиталась в кровь Хань Цина, добравшись до кончиков пальцев и превратив их в нечувствительные сосульки.

Он и сам порой ловил себя на подозрениях. Но тут же гнал их прочь. Думать о Линь Цзи плохо казалось кощунством.

Линь Цзи должен был быть сияющим и безупречным. Человеком без изъянов. Именно он первым протянул руку помощи Хань Цину, когда тот был в отчаянии. Заговорил с ним. Спас его

от края пропасти.

Одного этого было достаточно, чтобы Хань Цин хранил благодарность в сердце всю жизнь. Как же всё вдруг изменилось?

Хань Цин горько усмехнулся. Над собственной слепотой и глупостью. Да, на свете есть такие люди, как он. Способные десятилетиями обманывать себя и находить в этом счастье.

— Хватит! Замолчи! — Линь Цзи с силой ударил кулаком по столу. В его голосе слышалась дрожь.

— Ты оставил Хань Цина своим ассистентом, чтобы он разжёвывал тебе сценарии и показывал, как играть. Ты просто заплатил, чтобы убрать с дороги самого опасного конкурента, а потом подкармливал его мелкой благодарностью, чтобы он тебе служил. Этот обман длился больше десяти лет. Очень элегантно.

— Неправда!

Ли Вань презрительно фыркнула:

— С таким коварством и расчётом, кто, как не ты, мог бы стать кинокоролём, великий Линь Цзи? Жаль, но твой козырь теперь у меня. Раз уж Хань Цин тебе не дорог, я с удовольствием передам эту историю прессе.

— Ты ведь так удачно перевоплотился в последнее время. Перспективный, трудолюбивый и красивый кинокороль, который не снимается в хламе и не эксплуатирует фанатов. Имидж, который для тебя выстроил Хань Цин, действительно всем полюбился. Представляю, какой сенсацией станет твой громкий провал в конце года. Пресса с ума сойдёт.

<http://bllate.org/book/15551/1415441>